

УДК 327 (575.2) (04)

**ВЛИЯНИЕ УГРОЗ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НА ТРАНСФОРМАЦИЮ КОНЦЕПЦИЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

Ким Мин Чул – соискатель

In this article author analyzed the basic changes in the international safety system in the beginning of the new century. Changes of the modern concepts of safety are determined.

Изменения, произошедшие в области международной безопасности в начале XXI века в значительной степени продиктованы существенным расширением и усложнением круга проблем, касающихся полноценного обеспечения безопасности. Следует отметить, что наблюдающиеся порой разночтения в трактовке отдельных понятий безопасности появляются из различающихся подходов в разработке и практической реализации принципов безопасности. Это может быть частично объяснено тем, что «...вне зависимости от того, в какой области сознания локализуется понятие “безопасность”, изначально возможны три направления истолкования и акцентуации его смыслов. Одно направление – это подход к безопасности как к многоаспектному состоянию, второе – как к многогранному представлению о том, каким должно быть такое состояние и каково оно на самом деле, третье – как к цели»¹.

Характеризуя традиционное понимание дефиниции “безопасность”, необходимо отметить, что впервые оно появляется в XII в., означая “спокойное состояние духа человека, считавшего себя защищенным от любой опас-

ности”. Как видно из приведенного определения, оно изначально исходило из необходимости защиты интересов конкретного индивида.

В последующем данное понятие претерпело значительные изменения, связанные с его трансформацией применительно к различным историческим эпохам и определяющим их общественно-политическим процессам.

В современном и близком нам понимании дефиниции безопасности были более глубоко разработаны в послевоенный период (40–80-е гг.)². В этой связи заслуживает внимания определение безопасности, предлагаемое ведущим российским исследователем С. Панариным. “Итак, безопасность в том ее виде, в каком она рисуется концепцией национальной безопасности, выглядит следующим образом. Ее основные акторы, совмещающие роли объектов и субъектов и располагаемые в неизменном порядке по степени их важности, – это государство, общество, люди. Ее первоочередными целями являются цели безопасности государства, без достижения которых невозможно достижение своих целей другими субъектами: территориальная целостность государства,

¹ *Панарин С.* Миграция в контексте безопасности: концептуальные подходы // Миграция и безопасность в России / Под ред. Г. Витковской и С. Панарины. – М.: Московский центр Карнеги, 2000. – С. 18–19.

² *Morgenthau H.* Politics Among Nations. – N.Y., 1948. – P. 23; *Waltz K.* Theory of International Politics. – Reading MA, 1979. – P. 6; *Keohane R., Nye J.* Transnational relations and World Politics. – Oxford, 1997. – P. 23–34.

соблюдение принципов его устройства (включая и принцип конституционно предусмотренных изменений), сохранение им полной политической субъектности в системе международных отношений. Соответственно среди множества конкретных аспектов безопасности приоритетными должны быть те, систематический контроль за которыми максимально приближает первоочередные цели и нейтрализует реальные и потенциальные угрозы главному актору. Это военная и экономическая безопасность (вместе обеспечивают обороноспособность), социальная и политическая безопасность (вместе обеспечивают стабильность), международная безопасность (снижает общий уровень внешних угроз)¹.

Изменения, происшедшие в мировой системе безопасности в послевоенный период, не могли не коснуться концепции национальной безопасности в ее отношениях с международной безопасностью, формирующейся в это время.

М. Шоу, основываясь на исследовании Б. Бузана, суммирует те принципиальные изменения, которые произошли к настоящему времени в концепции национальной безопасности, основанной на доминировавшем в первой половине XX в. понимании государства как государства-нации. Они формулируются им в четырех пунктах, из которых первые два, по его мнению, были повсеместно признаны и заняли прочное место в академическом и политическом обиходе:

- национальная безопасность трансформирована в “международную безопасность”, охватывающую, скорее, систему государств-наций, чем только одно государство;
- в связи с этим преобразованием перечень ее факторов изменился таким образом, что военные факторы были дополнены целым рядом других, – окружающая среда, миграция и др.;
- безопасность была отделена от нации, поскольку “нация” и “государство” чаще всего не совпадают даже приблизительно;
- в понимании национальной безопасности акцент был перенесен с государства на личность и общественные объединения, стано-

вляющиеся главным пунктом отсчета для безопасности².

С полным основанием к первым двум пунктам можно добавить четвертый, вследствие их активного воздействия на формирование среды безопасности человека, и следовательно, возникшей необходимости выработки адекватных ответов.

При характеристике изменений в области национальной и международной безопасности обращает внимание существенная смена акцентов в связи с новыми ее измерениями. Если традиционное понимание национальной безопасности носило в целом “милитаристский” характер, исходя из военного характера угроз государству, то более позднее, возникшее в 90-е годы, включает более широкий круг измерений.

Главным результатом трансформаций в области мировой безопасности стало возникновение новой ее модели. Изменившаяся модель безопасности была подробно рассмотрена в первой половине 90-х годов прошлого столетия такими организациями, как Комиссия по глобальному управлению, Международный институт стратегических исследований и Программа Развития ООН.

По мнению К. Буша, из этих обсуждений можно сделать следующие три вывода.

Понятие безопасности в последние годы приобрело более широкое и более холистическое значение. Ранее, в годы противостояния двух мировых систем и блоков, порожденных ими, аналитики замыкались на рассмотрении сравнительно узкого круга проблем, порождаемых этим противостоянием (военно-силовой баланс блоков и образований, способность государств, входящих в эти блоки, отстоять свой суверенитет). Однако, окончание эры соперничества супердержав привело к возрастанию числа вооруженных конфликтов внутри стран, включая недавно образовавшиеся. Одновременно, международное сообщество начало испытывать большую обеспокоенность по

¹ Панарин С. Указ. соч. – С. 25.

² Развитие общества “общего риска”: теоретический обзор // Военные и общество в Западной и Восточной Европе. Сравнительное исследование / Под ред. Юргена Кульманна и Джин Каллаган; Европейский Центр изучения вопросов безопасности им. Джорджа Маршалла. – М., 2000. – С. 22.

поводу роста других источников нестабильности, таких, как социальное насилие, рост нищеты и организованной преступности, увеличение миграции и массовых неконтролируемых перемещений людей¹.

Внимание многих обозревателей обращает на себя существующая тесная связь между этими новыми проблемами безопасности на пути их взаимодействия и взаимообострения.

В этом смысле, с точки зрения распространенного ранее взгляда на процессы безопасности, сложилась парадоксальная ситуация, при которой наибольшие угрозы миру и стабильности проистекают не из конфликтов между странами, а из конфликтов внутри стран.

Одним из существенных следствий изменений, произошедших в мировой системе безопасности за последние годы, явилось *понимание* необходимости укрепления международного сотрудничества и постепенного отхода от традиционной опоры на конфликты как способ достижения цели. Иначе говоря, в 90-е годы происходит переход от “жестких”, военных вызовов безопасности к “мягким”, носящим преимущественно гуманитарный характер (неуправляемые миграции, угроза наркотиков, терроризма, истощения природной среды и пр.), “выплескивающимся” за рамки одного государства.

Вследствие расширенного понятия безопасности к настоящему времени вполне определилось, что основные факторы, угрожающие международной и национальной безопасности на современном этапе, носят транснациональный характер, и в большинстве случаев не могут быть своевременно и эффективно устранены действиями одного государства.

В связи с этим изменением сущности безопасности появилась необходимость более широкой ее концепции. К новым проблемам, требующим внимания, относятся этнические и религиозные конфликты, а также разрушение окружающей среды, организованная преступность, терроризм и крупные перемещения населения.

¹ Положение беженцев в мире. Перемещенные лица – гуманитарная проблема. – М., 1998. – С. 12.

Достижению необходимого уровня сотрудничества в решении новых задач безопасности существенно препятствуют определенные идеологические разногласия, противостояние региональных или национальных интересов. Вместе с тем, можно согласиться с мнением К. Буша, что процесс расширения международного сотрудничества, несмотря на существующие препятствия на этом пути, укрепляется за счет появления новых информационных и коммуникационных технологий, приводящих к ослаблению таких принципов, как национальный суверенитет и нерушимость границ. Вследствие этого, фиксируя принятие более интегрированного подхода к рассмотрению вопросов международной безопасности, Совет Безопасности ООН в январе 1992 г. принял специальную декларацию. В ней прямо указывалось, что “невоенные источники нестабильности в экономической, социальной, гуманитарной и экологической областях обрели характер угрозы миру и безопасности”². Несмотря на то, что многие последующие шаги в деятельности ООН вызвали определенное разочарование мирового сообщества ограниченностью и неполнотой воздействия, все же главным их итогом явилась коренная смена международных приоритетов безопасности. В частности, принципиальным оказалось то, что вопросы безопасности человека и общества, игравшие ранее в них второстепенное значение, выдвинулись на первый план. Данный фактор, по существу, отражает главное и наиболее существенное различие между национальной (*national security*) и общей, кооперативной (*common security*) безопасностью.

Развернутое понимание этого различия, согласно С. Панарину, сводится к следующему. Прежде всего, концепция общей безопасности расширяет круг воздействия международного окружения на развитие отдельного государства, включая даже прерогативу вмешательства во внутреннее его развитие с целью избежания возможных нежелательных негативных последствий для системы безопасности в целом³.

² Security Council Meeting. – N.Y. – 31 January. – 1992. – UN Documents.

³ Панарин С. Указ. соч. – С. 26.

Концепция общей безопасности порывает с представлением о территории национального государства как приоритете безопасности, выдвигая на первый план комплекс представлений о безопасности человека, ядром которой, в свою очередь, выступает представление о минимально достаточной безопасности. Первостепенным в нем является понятие физической безопасности, подразумевающей сохранность жизни индивида и защищенность от разного рода неблагоприятных воздействий на него¹. Так, в частности, в Докладе о человеческом развитии, подготовленном Программой Развития ООН в 1994 г., особо подчеркнуто, что безопасность человека имеет два основных аспекта: защита от хронических, постоянных угроз, таких, как голод, эпидемии и репрессии и защита от внезапных катаклизмов, нарушающих течение повседневной жизни общества². К понятию физической безопасности могут быть добавлены еще четыре аспекта, оцениваемые как:

1. Экономическая безопасность, достигаемая через доступ населения к “вознаграждающей” занятости, способной превысить уровень минимального потребления.

2. Социальная безопасность как достойный статус и гарантии предотвращения угроз физической и экономической безопасности, обеспечиваемая формальными и неформальными общественными институтами и государством.

3. Этнокультурная безопасность, акцентирующая свое внимание на человеке, означает безопасность этнической идентичности личности и общности, с которой она себя идентифицирует. Это подразумевает реализуемую возможность этнокультурного воспроизводства.

4. Безопасность достоинства, будучи наиболее трудно “распознаваемой” через какие-либо количественные критерии, в то же время выступает как сугубо качественный показатель, своеобразный индикатор гуманистической полноты безопасности³.

Логическим завершением отмеченному выше является различающееся отношение

к оценке отдельной личности в рамках национальной и общей безопасности.

Для национальной безопасности, по существу, отсутствует проблема ее цены, вследствие чего она рассматривается ей лишь в сугубо функциональном смысле. Соответственно, можно утверждать, что, по иерархии, приоритетной выступает безопасность нации и защита ее суверенитета как одного из наиболее существенных условий успешного функционирования системы национальной безопасности. В то же время концепция кооперативной безопасности базируется на признании наличия в каждом человеке множества общественно значимых качеств, открываемых им в рамках разнотипных общностей, в которые он оказывается вовлечен.

Среди преимуществ новой концепции выделяется ее гибкость, выгодно отличающая ее от жестко структурированной системы национальной безопасности. В то же время, акцентируя внимание на человеке, она не отвергает цели традиционной концепции безопасности, признавая их высокую значимость, вследствие чего, отчасти достигается их взаимная интеграция по отношению друг к другу⁴.

Однако претензии концепции общей безопасности на “всеобъемлющий, универсальный характер предлагаемых ею принципов” для развития новой мировой системы безопасности, несмотря на их высокогуманную направленность, до сих пор представляются мало реализуемыми. Проблема порождается даже не столько противостоянием принципов, лежащих в основе национальной и общей безопасности, сколько отсутствием конкретных механизмов их взаимодействия при разрешении возникающих проблем для обеспечения безопасности на национальном и региональном уровне.

Это в полной мере подтвердили события на Балканах весной-летом 1999 г. Так, в частности, под прикрытием принципов общей безопасности (“защита интересов мирного населения в Косово”) при молчаливом попустительстве ведущих международных организаций была предпринята попытка реализации национальных интересов одной из наиболее развитых стран мира, вылившаяся на рубеже ты-

¹ Панарин С. Указ. соч. – С. 26.

² United National Development Programm, Human Development Report // OUP. – N.Y., 1994. – P. 23.

³ Панарин С. Указ. соч. – С. 26–27.

⁴ Там же. – С. 28.

сячелетий в откровенную военную авантюру в центре Европы. Такого рода использование принципов и основных положений общей безопасности для реализации интересов национальной безопасности одной страны мира способно лишь надолго дискредитировать ее в глазах международного сообщества.

Наиболее оптимальным типом взаимодействия этих двух концепций между собой представляется принцип использования положений общей, кооперативной безопасности как основы для пересмотра или же при создании концепций национальной безопасности в развитых и недавно возникших независимых государствах на постсоветском пространстве. Это позволит придать ей универсальный и всеобъемлющий характер, способствуя гармонизации всей системы мировой безопасности.

Как ориентиры, определяющие основные направления для реализации отмеченного выше, могут и должны быть использованы основные международные документы, в частности, конвенции ООН, обязательство исполнять которые приняло на себя большинство стран мира.

Не менее важным представляется то, что такой подход позволит добиться желаемого прорыва при создании отличающейся принципиальной новизной системы общей безопасности, адекватной современным условиям мирового развития, учитывающей многократно возросшее разнообразие рисков для человеческого развития. В то же время предлагаемый подход не исключает использования в рамках национальных стратегий безопасности отдельных государств, присущих им этнокультурных и иных особенностей.

Отражением сохраняющейся актуальности дискуссии о формах взаимодействия концепций национальной и общей безопасности в сфере совершающейся сегодня “реальной” политики является продолжающийся поиск наиболее приемлемых моделей развития мировой безопасности в условиях глобализации.

Оптимизм начала девяностых годов, когда вполне очевидным казалось создание нового демократического миропорядка на основе “демократической многополюсной системы” за последнее десятилетие постепенно сменился определенным скепсисом из-за все более увеличивающейся фактической “однополюсности”

мира или, иначе говоря, тенденции к Pax Americana.

Уже «сегодня напрашивается вывод, что в грядущем “столетии глобализма” так и не будет сделано решающего выбора между Global Governance и Superpower Governance (управлением глобальным и управлением великодержавным), после того, как уже во второй половине XX в., ускорившись ввиду преодоления конфликта между Западом и Востоком, обозначилось столетие международных организаций и систем»¹.

Данный тезис является закономерным итогом дискуссии, развернувшейся в конце XIX – начале XX в. при определении оснований современной и будущих систем безопасности. Признавая наступление новой эры и наличие целого ряда радикальных изменений в международном развитии, ведущие аналитики мира при помощи одних и тех же инструментов определяют совершенно разные парадигмы “оптимизации” складывающейся ситуации².

Наиболее ярко теория “гегемониальной стабильности” и практической значимости США в ее реализации была изложена З. Бжезинским в книге с симптоматичным названием “Единственная мировая сверхдержава”, прямо направленной против формирования системы глобального управления безопасностью на основе многосторонности участия³.

З. Бжезинский выступает за то, чтобы США как сверхдержава, доминирующая в следующих основных областях мирового управления, – военное присутствие во всех регионах мира, ведущая роль в мировой экономике и технологиях, глобальная культурная экспансия – была интегрирована в ныне действующую систему мирового сообщества как можно позже. Исходя из этого, политика США, по З. Бжезинскому, должна быть направлена на

¹ Нушелер Ф. Новая мировая политика (многполярность вместо мира по американски) // Internationale Politik. – 1998. – №11. – С. 39.

² Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – N.Y., 1992. – P. 23–36; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. – 1994. – №1. – С. 33–58.

³ Brzezinski Z. Unique world Power. American Strategy of domination. – Berlin, 1997. – P. 43.

обеспечение ей господствующего положения в мире еще на несколько десятилетий, как минимум до 2050 г. Наиболее ярким проявлением такого рода подходов является позиция США по Договору о ПРО 1972 г., существенно “расшатывающая” трансформирующую систему международной безопасности. Объективности ради необходимо отметить определенный пересмотр позиции З. Бжезинского после 11 сентября 2001 г. Он считает, что современным условиям более точно соответствует позиция глобального лидерства США, позволяющая не просто доминировать, противопоставляя себя другим, а управлять мировым сообществом посредством его консолидации на основе предлагаемых США ценностей¹.

¹ *Бжезинский З.* Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. – М.: Международные отношения, 2005. – С. 268–285.

Свое логическое развитие эти дискуссии находят в вопросах о том, какие параметры международной безопасности формируются в настоящее время в мировом масштабе, а также каков должен быть их “идеальный образ”, способный обеспечить долговременную безопасность для международного сообщества.

Однако сохраняющееся коренное противоречие между “глобальным управлением” и “управлением великодержавным” требует поиска новых форм сотрудничества между государствами мира и международными транснациональными организациями для достижения подлинной стабильности и безопасности. Этим и определяются возможные направления развития мировой архитектуры безопасности и отражающих ее концепций безопасности для преодоления нарастающих транснациональных угроз человечеству.